

Гвидо Аббатиста (Университет Триеста)

Долгое «торговое» Просвещение: Европа, Китай и «семья наций», 1780-1840 гг.

Рассматривая культурную историю Западной Европы в период перехода от последней четверти XVIII века к первой половине XIX века – время, которое Райнхарт Козеллек называет *Sattelzeit*, «переломным временем», – можно констатировать возрастающее взаимодействие и вместе с тем противоборство Европы с неевропейским миром, а также очевидные факты мощной торговой и имперской экспансии европейских стран, особенно в Азии (Индия, Китай). Можно ли считать идеи Просвещения адекватным ключом для понимания этих процессов применительно к разнообразным культурам и этносам, особенностям коммерческой цивилизации и многосторонним связям между Европой и остальным, в частности азиатским, миром? Основная мысль, которая обсуждается в моем сообщении, состоит в том, что фундаментальные представления просветителей о новом, свободном, цивилизованном обществе, опирающемся на коммерцию, были в значительной мере внушены британской торговой, дипломатической и миссионерской политикой по отношению к таким странам, как Индия и Китай. «Долгое Просвещение», унаследовав специфические особенности просветительской картины мира, способствовало, таким образом, закреплению представлений о цивилизующей миссии, которая должна была принадлежать Западу и в XIX веке. Либеральное, фритредерское, евангелическое мировоззрение, особенно сильно влиявшее на политику Англии в Индии и Китае, следует рассматривать в его сложной и противоречивой связи с наследием Просвещения. Эта проблема анализируется с учетом взглядов столь различных фигур, как Дидро, Кондорсе, Бенжамен Констан, Джон Барроу, Джордж Томас Стаунтон, Джеймс Милль, Джон Шор, Чарльз Грант, Джеймс Силк Бэкингам, Джон Бауринг, и материалов влиятельных периодических изданий, как *The Chinese Repository* (1832-1850) и *Oriental Herald and Colonial Review* (1824-1829). Изучая переход от XVIII в. к началу XIX в. с точки зрения глобальной истории, мы можем не только пересмотреть привычную хронологию – в том, что касается культурного наследия Просвещения, – но и оценить сохраняющееся значение некоторых фундаментальных просветительских идей для понимания европейской коммерческой и имперской цивилизации XIX века.

С. О. Андросов (Государственный Эрмитаж)

Первый каталог картинной галереи Эрмитажа («каталог Миниха») и новые перспективы изучения коллекции

История коллекционирования произведений искусства в России в предыдущее время не пользовалась большой популярностью в силу и технических и идеологических причин. Исключением может служить фундаментальное исследование В. Ф. Левинсона-Лессинга о истории картинной галереи Эрмитажа, изданное посмертно в 1985 г. За прошедшие годы накоплен большой дополнительный материал, касающийся истории императорских, а также и частных коллекций в России. Тем не менее, начальный период истории Эрмитажа остается недостаточно изученным. Это в значительной степени связано с тем, что не сохранилась полностью переписка Кабинета Екатерины II. Почти всегда неизвестны письма, предшествовавшие покупке той или иной коллекции. Часто отсутствуют также списки картин, полученных в составе купленных целиком собраний.

Несколько лет назад сотрудниками Отдела западноевропейского изобразительного искусства была начата работа по изданию так называемого каталога Миниха – первого каталога картинной галереи Эрмитажа, датированного 1773-1785 гг. Каталог представляет собой рукопись на французском языке в трех томах. Составителем его явился граф Эрнст Иоганн фон Миних (1707 – 1788), сын знаменитого фельдмаршала. В каталоге отражены имя автора, сюжет, краткое описание и размеры картин (в аршинах и

вершках). В отдельных случаях указывается на наличие гравированных воспроизведений и суждение автора о достоинствах произведения и о правильности ее атрибуции. В то же время, за очень редким исключением, нет указаний на происхождение картин. В настоящее время подготовлен к изданию первый том каталога, включающий в себя примерно половину общего числа (1317 картин). Здесь присутствует оригинальный французский текст Миниха, его русский перевод, а также краткие современные сведения о картине (с включением литературы). В результате получены новые данные более чем о 250 картинах, хотя 226 остались не идентифицированными.

Проведенная работа позволила систематизировать последующую историю коллекции Екатерины II. Удалось выявить многочисленные картины, оставившие Эрмитаже при различных обстоятельствах и находящиеся ныне в музеях России и ближнего зарубежья, а также в коллекциях Европы и США. Получены определенные результаты от сопоставления данных каталога Миниха с именными указами Екатерины II, касающимися оплаты тех или иных приобретений.

Следует отметить, что, благодаря сотрудничеству с Университетом Швейцарской Италии, открылись новые перспективы совместной работы с коллегами за рубежом, имеющими больше возможностей заниматься в государственных и частных архивах европейских стран. Новые сведения, в частности получены о собирательской деятельности графа Карла Кобенцля, чья коллекция была полностью приобретена в 1767 г. через посредство князя Д. А. Голицына. На основе немецких документов воссоздан также состав картин, принадлежавших И. Э. Гоцковскому, которые составили в 1764 основу будущего музея.

Можно выделить также случаи, когда именно каталог Миниха позволяет реконструировать состав коллекции, благодаря тому, что картины, поступившие в момент работы над каталогом, записываются подряд, одна за другой (например, коллекция Р. Удни, полученная в 1780 г.).

Представляется, что полная публикация каталога картинной галереи Эрмитажа с научным комментарием станет важным вкладом в историю коллекционирования и позволит уточнить многие вопросы, связанные с музейной практикой.

Элис Кимерлинг Виртшафтер (Калифорнийский политехнический университет, Помона)

**Российская дипломатия как просветительский проект:
Священный Союз и Венское соглашение, 1815-1822 гг.**

В 1815 году, после окончательного поражения Наполеона, Российская империя нуждалась не в восстановлении, а в оздоровлении. Петровско-Екатерининская система успешно выдержала испытания двух с лишним десятилетий, которые были ознаменованы кровопролитными войнами, изменами союзников и изнурительным трудом российских дипломатов. Характерный для российского Просвещения компромисс между церковью и монархией, смягчавший инакомыслие, приглушавший социальные конфликты и способствовавший обретению Россией статуса великой евразийской державы, помог отразить натиск революционных перемен, которым часто сопровождалось вторжение наполеоновских армий. Российский просветительский проект – процесс государственного и имперского строительства, судебно-административная реформа, служившая мобилизации ресурсов и нормализации правления, европеизация в сфере культуры, возникновение просвещенной публики и адаптация религии к новым образовательным и социальным веяниям, – был вполне готов сыграть важную роль в жизни мирной Европы. Влияние, которое Александр I и его дипломаты оказали на Венский конгресс, хорошо изучено, как и игра в дипломатические шахматы, продолжавшаяся в последующие годы. Менее известны концепции Великого союза, его связь со Священным союзом и

постоянные попытки России наладить координацию действий с ее союзниками. В тот момент, когда казалось, что империя полностью интегрирована в европейскую политику, события на континенте – революция в Испании, Неаполитанском королевстве и Пьемонте, начало движения за национальную независимость в Греции и возможность военного столкновения между Российской и Османской империей в 1821-22 гг., – поставили под угрозу равновесие, достигнутое в 1814-18 гг. В моем докладе исследуется реакция царской дипломатии на международные кризисы в постнаполеоновской Европе. Изучая дипломатические контакты, я рассматриваю обсуждавшиеся в то время темы, а именно: вечные принципы мира и государственного правления, значение союзного единства, права и обязанности государств, юридические (договорные) основания европейского общества, вопрос о политической реформе, а также воздействие божественного провидения на историю человечества. Анализ представлений дипломатов о том, что означает согласованность действий («концерт держав»), показывает, как просветительские идеи соединялись с российскими политическими и религиозными традициями. Таким образом, доклад развивает мою предыдущую книгу о российском Просвещении, где в центре внимания находится не перенос и трансляция европейских идей в Россию, а специфика российских просветительских практик.

Станислав Витецкий (Ягеллонский университет, Краков)

**Распространение идей Просвещения в необразованных слоях общества.
Возможная методология исследования**

В середине 1960-х гг. Просвещение начали изучать с точки зрения социальной истории идей. Сегодня представляется очевидным, что сам этот феномен ограничивали до сих пор рамками узкой общественной элиты. Впрочем, надо отметить и то, что исследователи делали свои выводы исключительно на основе западноевропейских источников.

Такое искажение перспективы было в некоторой мере оправдано теоретическими допущениями, из которых исходили ученые. Они опирались на методологию книжной истории, полагая, что проблему восприятия идей можно решить, ограничиваясь рассмотрением материалов, относящихся к личному чтению. Когда же историки обращались к сельскому населению, то принимали во внимание лишь кружки, в которых практиковалось чтение вслух на общих собраниях. Более того, до появления понятия христианского Просвещения они обращали внимание только на распространение идей светского характера. Между тем в большинстве стран Европы преобладали неграмотные: их доля во многих странах была существенно выше, чем во Франции, Нидерландах и Англии; соответственно, Просвещение в них было нерадикальным по форме и христианским по содержанию. Тем не менее и здесь мы можем говорить о Просвещении, а также проследить распространение просветительских идей в обществе. Хотя многие крестьяне и горожане не умели читать, они слушали то, что им читали. Мы не вправе судить о содержании их мыслей, но вправе строить предположения о том, каковы были их знания. Чтобы достигнуть этой цели, нужно сосредоточить усилия на исследовании социальных групп, находившихся посередине между народной и элитарной культурой, и подвергнуть анализу их положение в обществе, в культурной деятельности и в каналах коммуникации.

В большинстве стран интересующим нас критериям удовлетворяет приходское духовенство. Ограничение исследуемой группы только теми клириками, которые несли культуру в народ, встретило законные возражения на теоретическом уровне. Поэтому желательно исследовать духовенство не только как посредников или представителей института церкви, но и как общественный класс, значимый сам по себе. В докладе я представляю возможную методологию, проверенную в моей собственной исследовательской работе; сюда относятся выбор источников, техника сбора, фильтрации

и обработки данных, а также способы интерпретации полученного материала. Речь идет о методологии, сочетающей традиционные приемы квантитативной социальной истории и достижения новой истории культуры.

Н. А. Зубанова (Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»)
**«Развлекающая – просвещает»: просветительские идеи
в семантике русской дворянской усадьбы (Кусково)**

Доклад посвящен исследованию вопросов «устройства» усадьбы Кусково при графе П. Б. Шереметеве в 1750-80 гг. В нем будут затронуты проблемы мира образов усадебной среды, неотделимых от него исторических, мифологических и аллегорических понятий и персонажей в контексте общей ситуации развития просветительских идей в искусстве второй половины восемнадцатого столетия. Русская дворянская усадьба XVIII века была своеобразной моделью мира, и художественно-философская составляющая Кускова – яркий тому пример.

Джонатан Израэль (Принстонский университет)
Революция и радикальное Просвещение: панорама 1650-1848 гг.

Обычно считают, что ранние революции Нового времени (до 1789 г.) не столько «совершались целенаправленно», сколько просто «происходили», что в них нельзя видеть результат действий коллективной воли, если только не понимать под ней нечто весьма ограниченное и пассивное. Как убедительно показали Кит Майкл Бейкер и другие историки, в описаниях эпохи Славной революции 1688-89 гг. революция, как правило, предстает корректирующим процессом, который направляется свыше или извне. Это представление о провиденциальной революции, характерное для XVII века, вполне закономерно устраняет необходимость понимать революцию как продолжительный акт социального возмущения и коллективной борьбы, требующий от участников яростного противодействия существующему политическому строю, как представляли себе такое противодействие позже сознательные «революционеры». Принятое в то время употребление этого термина показывает, что до 1789 г. революции могли быть чем-то «удачным», «необычным» или «славным» и по существу являлись составной частью предустановленного порядка вещей. Революция была «событием, но еще не коллективным действием; революции, безусловно, имели место, но революционеров еще не было». По выразительному определению Дэвида Р. Кома, то были «Божьи революции», элементы божественного промысла: они характеризовались «нежеланием притязать на действие, выходящее за рамки провиденциального». Этот тезис удачно резюмирует историк Дэвид Армистедж: только после 1789 г. революция стала «преднамеренным, преобразовательным и возобновляемым действием: революция-факт сменилась революцией-актом».

В моем докладе утверждается, что для революционной эпохи 1789-1848 гг. действительно был характерен новый вид революционного сознания и мировосприятия, не имевший ранее, до 1789 г., реальных precedентов, и что перед историком стоит задача выявить достаточно широкий и содержательный – общеевропейский и трансатлантический – набор факторов, объясняющих этот гигантский и в высшей степени важный сдвиг. Я показываю, что, каким бы сильным ни было социальное возмущение и культурная фрустрация в определенных сегментах общества, какому бы угнетению, эксплуатации и дискриминации ни подвергались определенные классы и религиозные меньшинства, не существует таких социальных или культурных изменений, которые могут сами по себе – вне более широкого стимулирующего воздействия – объяснить эту

колоссальную трансформацию. Главное, что, по моему мнению, нужно уяснить, – это то, что социальное недовольство принимает принципиально новую форму, обретает небывалую силу и сознает себя лишь тогда, когда соединяется с бескомпромиссной системой воззрений, которая недвусмысленно отрицает любые оправдания существующего порядка, любые его нормы, и прямо посягает на авторитет сложившейся в Европе монархически-церковно-аристократической системы. Только радикальное Просвещение, решительно отвергающее авторитет религии и в то же время отстаивающее идею демократической республики, становится мощным интеллектуальным механизмом, способным произвести столь повсеместную и всестороннюю перестройку мироощущения людей.

С. Я. Карп (Институт всеобщей истории РАН)

**Издание переписки Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом:
опыт реализации одной утопии**

Летом 2016 г. вышел из печати первый том этой переписки из пяти или шести задуманных. Работа над ним велась на протяжении 25 лет (с перерывами). Разумеется, этот срок представляется совершенно чрезмерным, но в то же время он вполне объясним: кропотливая работа издателей и комментаторов сложных многоязычных текстов такого уровня требует серьезных и долговременных усилий, бесконечных консультаций с представителями разных дисциплин, живущими и работающими в разных странах и имеющими разные приоритеты. Эти условия в принципе противоречат и убогому базовому финансированию наших академических учреждений, и трехлетним срокам грантового финансирования, и стремлению «эффективных менеджеров» от науки нацелить научных работников прежде всего на журнальные публикации и индексы цитирования. Однако за прошедшие годы нами был накоплен определенный опыт, показывающий, что несмотря на все эти препятствия даже самые утопические по нынешним временам проекты могут реализовываться. Я предполагаю рассказать о том, как было задумано и как осуществлялось это издание, чем оно отличается от предшествующих и на каком этапе сейчас находится работа над ним.

Эстер Ковач (Университет Сегеда)

Между метафорой и понятием. Брезжащий свет на службе у Просвещения

В большинстве европейских языков Просвещение (*Enlightenment, Aufklärung, Lumières, Ilustración, Illuminismo, Felvilágosodás*) – метафора, широко используемая историками, философами, литературоведами, современными политическими мыслителями, журналистами и даже работниками образования. Понятие, опирающееся на метафору света и на бинарную оппозицию света и тьмы, стало также элементом нарративов – исторических, философских или литературных. Прежде чем определять Просвещение как некое движение, период или целый век, как феномен или важнейший предмет интеллектуальной истории, мы имеем возможность проследить историческую трансформацию смысла соответствующей метафоры, становящейся понятием. Свет – это древнейшее, представленное в самых разных культурах, метафорическое обозначение знания, понимания или способности понимания и тем самым – обозначение человеческого разума как такового. Изначально наделенные несколькими переносными значениями, французские слова *lumière* и *lumières* со временем становятся историческим и политическим понятием, приобретая новый смысл. Хотя нельзя утверждать, что Франция опередила другие государства в радикальных социально-политических реформах и в развитии теоретической мысли, именно через французские тексты XVII-XVIII веков

можно выявить важнейшие аспекты концептуализации световой метафоры. В моем докладе я намереваюсь проследить наблюдаемые в этой связи – начиная с середины XVII в. и кончая некоторыми сочинениями Дидро и Даламбера 1750-х гг., – семантические и понятийные сдвиги; я привожу также критические возражения и контрпримеры, касающиеся использования этой метафоры.

Таль Когман (Университет Тель-Авива)

Культурные контакты и трансляция научного знания: еврейское Просвещение в немецкоязычной среде

Движение *Хаскалы* (еврейского Просвещения) возникшее в конце XVIII – начале XIX в. в немецкоязычной среде, было направлено на построение нового еврейского общества, основанного на просветительских ценностях: религиозной терпимости, самосовершенствовании, нравственном поведении и универсализации. *Маскилим* (приверженцы Хаскалы) стремились расширить интеллектуальный кругозор, заданный традиционно-религиозным корпусом текстов; ими были созданы множество самых разных сочинений: поэзия, проза, философская эссеистика, драматургия и научные книги, в которых содержались новые ценности и идеи. Воспитание еврейской молодежи в духе просветительских ценностей было одной из главных целей маскилим; они публиковали учебники, хрестоматии и периодические издания для нужд этой аудитории.

Хаскала испытывала огромное влияние немецко-христианского педагогического движения филантропизма, в котором нашли выражение представления немецко-христианского Просвещения о воспитании. Некоторые маскилим поддерживали личные контакты с христианскими педагогами: наиболее известна связь, существовавшая между Мозесом Мендельсоном (1729-1786) и Иоганном Бернхардом Базедовым (1724-1790). Многие авторы из числа маскилим переводили учебники филантропистов на еврейский язык или использовали их как образцы.

Еврейское Просвещение – показательный пример распространения просветительской идеологии среди малых национальных групп Европы и ее изменений в результате соединения с культурой-восприемницей. В моем сообщении я сосредоточусь на научных текстах еврейских просветителей. Эти книги прежде всего были призваны поднять невысокий статус, который в еврейской культуре придавался наукам, привести знания и представления евреев о современных науках в соответствие с тогдашним общеевропейским уровнем. Исследование трансляции европейского научного знания показывает, с какими трудностями сталкивались авторы подобных книг и какие творческие методы они использовали для их преодоления. Это исследование позволяет выявить области, в которых еврейская Хаскала и европейское христианское Просвещение близки друг к другу, но в то же время продемонстрировать исключительное своеобразие Хаскалы.

*Г. А. Космолинская (Институт всеобщей истории РАН / Научный центр
исследований книжной культуры РАН)*

Парижанин или москвит? Из истории русско-французских культурных связей эпохи Просвещения (презентация завершеного проекта)

В сообщении будут представлены результаты источниковедческого исследования рукописного альбома «Виды старого Парижа» из библиотеки русского парижанина Федора Васильевича Каржавина (1745–1812) в контексте истории восприятия в России явлений европейской культуры эпохи Просвещения. Альбом подготовлен к изданию под названием: «Париж эпохи Просвещения: достопримечательности, история, повседневная

жизнь (альбом русского парижанина Theodore Karjavine)». Текст памятника сопровождается вводной статьей, комментарием и иллюстрациями.

Альбом содержит 23 анонимные французские гравюры XVII–XVIII вв. с видами Парижа (в том числе – общий вид Парижа 1607 г. Леонара Готье), к которым Каржавин составил комментарий на основе прочитанных книг, личных наблюдений и воспоминаний. История и мифология Парижа перемежается в Альбоме сведениями автобиографического характера. Альбом создавался в России в два этапа: в начале 1770-х и в 1790-е годы. Первоначально – как пособие по архитектуре для учащихся школы при Модельном доме в Московском Кремле, где Каржавин служил помощником архитектора В.И. Баженова. В 1790-е годы, внимательно наблюдая за событиями во Франции, он вновь обращается к Альбому, дополняет его новыми «видами» и комментариями.

Каржавин вырос в Париже, обучался в Сорбонне, пользовался дружбой и покровительством французских ученых, женился, пытался получить место хранителя рукописей Королевской библиотеки, надеялся стать «настоящим парижанином» и одновременно культурным посредником между Россией и Францией... Надежды не оправдались. В то же время Каржавин – поклонник Вольтера и прилежный читатель «Энциклопедии» – мечтал принести пользу своему отечеству, но и здесь его знания и опыт оказались не востребованы.

Уникальность Альбома Каржавина, на наш взгляд, заключается в том, что его автор по отношению к объекту восприятия – Парижу – является одновременно «своим» и «чужим». В центре исследования, казалось бы, частный случай из истории межкультурных связей XVIII в. Но его рассмотрение, учитывая ярко выраженные библиофильские наклонности Каржавина, неотделимо от антропологии чтения, что выводит на более широкий круг вопросов ментальной истории.

Гийом Нику (Университет итальянской Швейцарии, Мендризико)

Возможные «энциклопедические» истоки Эрмитажа

Екатерина II создает и обставляет Эрмитаж в то же время, когда завершается издание «Энциклопедии» (последний том иллюстраций выходит в 1772 г.). Писательница и величайшая любительница чтения, она наверняка внимательно ознакомилась с энциклопедическими статьями «Cabinet», «Galerie» и «Musée». Не вызывает сомнений и то, что ее должна была заинтересовать статья «Louvre», написанная Луи де Жокурром (1765). В этой статье автор критикует французского монарха, который никак не решится разместить в старинном дворце музей, где были бы собраны лучшие картины из королевских коллекций. Этот проект, достойный «славы Нации», был публично (и с полемической целью) предложен в 1740-х годах несколькими авторами, включая Вольтера. В «Энциклопедии» Екатерина могла также прочитать, что «в южной части дворца можно было бы разместить все картины, принадлежащие королю, которые ныне нагромождены вперемешку в мебельных складах [Версаля], где никто не наслаждается их созерцанием» (Л. де Жокур). Вполне возможно, что подобные тексты в какой-то мере внушили ей желание создать в Эрмитаже картинную галерею. В моем сообщении я попытаюсь развить эту гипотезу.

М. А. Петрова (Институт всеобщей истории РАН)

Коллекционирование произведений искусства как практика дипломатической среды эпохи Просвещения: пример российских представителей в германских государствах

Эпоха Просвещения, которую в России связывают обычно с временем правления Екатерины II, внесла существенные изменения в круг обязанностей дипломатов. Они должны были не только представлять свою монархиню на международной арене, вести переговоры и собирать информацию о стране пребывания, передавая на родину по мере своих сил и способностей значимый политический, образовательный и культурный опыт европейских держав. Они занялись также поиском и покупкой произведений искусства для императорских и своих собственных собраний. Коллекционирование художественных ценностей как важная примета времени и модное увлечение в аристократической среде не только способствовало развитию культурного обмена между Россией и европейскими странами, но и создавало в европейском общественном мнении образ Екатерины II как покровительницы наук и искусств.

Большинство коллекций Эрмитажа (включая самые известные: Гоцковского, Брюля, Троншена, Кроза, Браамкампа, Кобенцля и многие другие) были приобретены во второй половине XVIII в. при непосредственном участии российских дипломатов с помощью местных агентов, в роли которых часто выступали выдающиеся деятели эпохи Просвещения. Российские послы, посланники, резиденты также способствовали пополнению художественных собраний своих родственников и покровителей, что играло не последнюю роль в их продвижении по карьерной лестнице, формировали собственные коллекции, вдохновляясь в определенной степени монаршим примером.

В докладе будет предпринята попытка обобщить имеющиеся сведения о коллекционировании в дипломатической среде; выявить алгоритмы поиска и приобретения произведений искусства на примере российских дипломатов, служивших в германских государствах; показать, каким образом сами они оценивали свою деятельность, воспринимали ли себя культурными посредниками, каковыми в полной мере являлись.

Н. Ю. Плавинская (Институт всеобщей истории РАН)
Международный издательский проект
«Полное собрание сочинений Монтескье»: опыт историка

Монументальный проект «Полного собрания сочинений Монтескье», которое должно прийти на смену трехтомнику Андре Массона, изданному в 1950-1955 гг., был задуман в 1987 г. группой исследователей, объединившихся по инициативе Жана Эрара и Жоржа Бенрекасса в Международное общество Монтескье. С 1998 г. до настоящего времени из запланированных 22-х томов уже опубликованы 14. Первые одиннадцать книг увидели свет благодаря усилиям оксфордского издательства *Voltaire Foundation* и неаполитанского *Istituto italiano per gli Studi Filosofici*. С 2010 г. проект реализуется лионским издательством *ENS Editions* и парижским *Classiques Garnier*.

Коллектив филологов, философов и историков из Франции, Италии, Великобритании, США, Германии и Швейцарии, поставил перед собой амбициозную задачу: предложить современному читателю «Монтескье XXI-го века», максимально полного и максимально точного. Максимально полного, поскольку собрание включает не только большие и малые сочинения по философии законов и известные литературные опусы, но и тексты, к которым не всегда применимо слово «сочинение» – читательские пометы, конспекты римского права, записные книжки, варианты. Максимально точного, поскольку тексты публикуются в соответствии с современными филологическими нормами, а обширный критический аппарат, исключая быстро устаревающие оценочные суждения, нацелен на то, чтобы максимально точно вписать тексты Монтескье в современный им контекст.

В 2008 г. ответственный редактор издания Катрин Вольпьяк-Оже предложила мне присоединиться к этой работе в качестве автора научного комментария для томов

переписки и для томов «Pensées» – заметок, которые Монтескье вел на протяжении трех десятков лет и которые представляют собой его «интеллектуальную лабораторию». Предложение поначалу смутило меня – у меня был небольшой опыт издания комментированных источников, но я не считала себя «специалистом по Монтескье», безусловно мало знала о нем и к тому же находилась далеко от основных архивов и библиотек, которые должны быть задействованы в подобной работе. Однако соблазн приобщиться к такому масштабному предприятию был велик, и я согласилась попробовать свои силы. За эти годы накоплен некоторый опыт, которым я хотела бы поделиться с участниками конференции. Речь пойдет о специфике вклада, который может внести историк в современное издание источников XVIII века, о выработанном алгоритме научного комментария таких фрагментарных и спонтанных источников как письма или записные книжки, о проблемах, с которыми пришлось столкнуться, а также о ценном опыте международного и междисциплинарного сотрудничества.

С. В. Польской (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва), *В. С. Ржеуцкий* (Германский исторический институт, Москва)

Трансфер европейских общественно-политических идей и практики перевода в России XVIII века

Переводная литература в России XVIII века играла важнейшую роль в распространении новых идей и понятий, слов и смыслов, которые преобразили русскую культуру. И хотя история переводной печатной литературы этой эпохи достаточно хорошо изучена, мало исследован огромный пласт рукописных памятников, сохранившийся в архивах и библиотеках России. Объем рукописной переводной общественно-политической литературы весьма значителен. Необходимость изучения и описания этого массива, введения его в научный оборот, – одна из задач современной исторической науки. Решение этой проблемы возможно на пути изучения всего комплекса переводной литературы, который может служить основой для сравнительного исследования бытования рукописных и печатных текстов в России XVIII века, а также поможет представить полную картину развития языка «гражданских наук» в эпоху Просвещения.

В докладе будет представлен исследовательский проект Германского исторического института в Москве, посвященный изучению переводов общественно-политической тематики и их значения в формировании понятийного аппарата общественных наук в России. Исследовательское поле проекта лежит в области интеллектуальной и социокультурной истории, конкретнее – истории понятий. В ходе работы над проектом, планируется выявить особенности отбора европейских сочинений для перевода, роль заказчиков и переводчиков в развитии переводной литературы, изучить «социальную историю» перевода в России XVIII века; проследить какие переводы пользовались наибольшим спросом и расходились в списках, какие из них оказались наиболее влиятельными для русских читателей; рассмотреть развитие дисциплинарного дискурса социально-политических «наук» и ключевых политических понятий в русской переводной литературе на протяжении XVIII века; проанализировать связь между переводами и русскими оригинальными политическими сочинениями; определить значение переводной литературы в изменении общественно-политической лексики в России на протяжении 1700-1790-х гг.

Л. Ю. Посохова (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина)
**«Сад украинских наук» и его создатели: реконструкция
интеллектуальных сетей (вторая половина XVIII – начало XIX в.)**

«Сад украинских наук» – так во второй половине XVIII века современники стали называть Киево-Могилянскую академию, Черниговский, Харьковский и Переяславский коллегиумы, вкладывая в это метафорическое выражение ряд новых характеристик просветительского толка. Эти учебные заведения существовали на украинских землях, входивших в XVIII веке в состав Российской империи, и адаптировали многие образовательные и культурные традиции Западной и Центральной Европы. Они стали теми организационными структурами, благодаря которым на этих территориях впервые стало формироваться интеллектуальное сообщество. В данном случае будут представлены результаты его исследования: охарактеризованы структурные особенности этого сообщества интеллектуалов, а также варианты интеллектуальных связей, ставшие типичными для второй половины XVIII – начала XIX века. При проведении исследования была использована методология сетевого анализа, предложенная Рэндаллом Коллинзом.

Сложившееся сообщество представляло новый тип интеллектуальных отношений в восточной части Европы, объединив профессоров и выпускников «латинских школ», представителей духовенства, общественных деятелей данного региона и интеллектуалов, которые проживали далеко за его пределами. Реконструкция прежде всего эпистолярных контактов дала возможность выявить как вертикальные, так и горизонтальные связи, представить его структуру. Нити переписки связывали, например, немецкого философа Фридриха Христиана Баумейстера, киевского митрополита Самуила Миславского и ректора Харьковского коллегиума Лаврентия Кордета.

Изучение таких контактов позволяет зафиксировать особенности понимания членами этого сообщества смысла и целей Просвещения. Тем более что одним из результатов переписки можно считать кардинальное изменение содержания обучения в коллегиумах, произошедшее в 1760-е годы (изучение рациональной философии, использование своеобразного набора произведений европейских просветителей в качестве учебных пособий и пр.). Фиксация траектории распространения конкретного мнения становится основой для понимания того, почему кто-то из преподавателей «вдруг» включал некую новацию в свой учебный курс (например, профессор Харьковского коллегиума Яков Толмачев перевел и изучал со студентами одну из работ Мозеса Мендельсона).

Реконструкция сетей, объединивших многих «рядовых» интеллектуалов Гетманской и Слободской Украины во второй половине XVIII века, важна для выявления ареала распространения определенных просветительских идей, маркирует своеобразие их «набора», позволяет рассуждать об их «приживаемости» в этом регионе восточной Европы.

И. А. Ролдугина (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва)

**«Конец блуда»: Просвещение, либертинизм и городская сексуальность
в Петербурге середины XVIII века**

Сексуальность – «просвещенная» или «народная» – остается одной из самых малоисследованных тем в российской историографии. Сказывается и отсутствие историографической традиции, и, разумеется, известная нехватка недекларативных источников. В западноевропейской историографии проблематика преломления просвещенческих ценностей в контексте городской сексуальности, напротив, значительно разработана. Методологически вслед за этими историками сексуальности, я рассматриваю Санкт-Петербург середины XVIII века как арену специфической социальной стихии (городская регулярность, доступность личного, интимного пространства для «подлых» страт, более слабый религиозный контроль, чем где-либо, а также существенное присутствие иностранцев и значительное распространение и заимствование иностранных практик досуга среди горожан), которая испытала на себе динамическое влияние идей и практик Просвещения. С помощью анализа двусмысленных трансгрессивных практик, включая и саму Калининскую комиссию (1750–1759), и многочисленные эпизоды, зафиксированные в документах следствия, я продемонстрирую, как в России сформировался раннеמודерный дискурс сексуальности, а также уделю внимание специфическим проявлениям и бытованию городской сексуальной субкультуры.

Франк Салан (Университет Монпелье III им. Поля Валери)

Выделенный отрезок и длительный процесс: два подхода к эпохе Просвещения

Определение хронологических рамок эпохи Просвещения ставит ряд вопросов, интересующих и ученых, и широкую публику. Для одних исследователей этот феномен, рассматриваемый в национальных или международных рамках, исчерпывается десятилетиями, предшествовавшими Французской революции; для других эпоха Просвещения – синоним всего XVIII века; есть и те, кто хотел бы еще больше расширить ее границы, различая раннее Просвещение (*Lumières précoces, early Enlightenment, Frühaufklärung*), зрелое Просвещение и позднее Просвещение (*Lumières tardives, late Enlightenment, Spätaufklärung*), – что составляет в общей сложности уже полтора столетия. Подобная разногласия может побудить исследователей вообще отказаться от этого понятия, как слишком расплывчатого. Можно взглянуть на проблему иначе, признав, что за понятием Просвещения стоит важнейший исторический феномен, носивший международный характер, и что феномен этот можно рассматривать либо как процесс, растянувшийся надолго, либо как момент нарастания определенных тенденций, как выделенный отрезок внутри более длительного процесса. Объясняется ли это различие в оценках разными методологическими принципами? Или его, скорее, нужно объяснять различием перспектив, заданных национальными подходами, – скажем, исходными представлениями, согласно которым существовало Просвещение шотландское, нидерландское, греческое, швейцарское? Я обсуждаю причины этих разграничений, их предпосылок и следствий, влияющих на определение специфики Просвещения.

Е. Б. Смилянская, В. Е. Борисов, Е. В. Чичерина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)

**Екатерининская Россия в западноевропейской прессе:
проект перевода статей новостных изданий**

Изучение новостных изданий, формировавших информационное пространство Европы эпохи Просвещения, стремительно развивается, объединяя усилия прежде всего исследователей истории чтения и истории книгоиздания и журналистики. Существенные достижения последних двух десятилетий по созданию общедоступных, собранных по разным хранилищам электронных копий крупнейших газет и журналов (например, <http://www.gazettes18e.fr>; <http://www.bodleley.ox.ac.uk/ilej>) позволяют все чаще включать в большом объеме разноязычную европейскую новостную периодику в исследования, посвященные не столько политической истории, сколько вопросам формирования «общественного мнения» и влияния читателей европейской прессы на деяния политиков и правителей.

Создания базы данных «Россия в западноевропейской прессе XVIII века» может дать существенный импульс к изучению «исторического мира» Просвещения, и прежде всего механизмов конструирования образа России в Европе и инструментария, которым пользовались в России и на Западе в различных политических ситуациях (того, что Клод Лабросс назвал «l'instrument périodique»).

В сообщении будет представлен проект, открывающий масштабную работу по введению разноязычных материалов западноевропейской новостной прессы в научный оборот (в настоящее время проект объединил 30 студентов и магистрантов НИУ-ВШЭ, его материалы будут публиковаться на сайте университета). Автору кажется важным на первом этапе выполнения проекта представить возможные пути изучения источников информации, закономерностей в хронологии появления новостей в изданиях разных стран, характера редакционного/официозного вмешательства в отбор и подачу новостей, а также обсудить методику выявления, перевода, комментирования, публикации статей о России в новостных западноевропейских изданиях 1760-х – 1790-х гг.

Ёити Суми (Университет Кейо, Токио)

**В поисках источников великого словаря.
Генетическое исследование «Энциклопедии»**

Опишу в нескольких словах общие очертания масштабного коллективного проекта, которым я более десяти лет руковожу в Японии. Это генетическое исследование «Энциклопедии». Довольно часто сотрудники «Энциклопедии» указывали прямо в тексте, который они готовили для издания, библиографические сведения об используемых источниках. Такие указания различались по форме: это могли быть названия текстов, чаще всего усеченные или сокращенные, имена авторов, порой не совсем точные, цитаты, схожие скорее с парафразами, и т.п. Наш коллектив ставит перед собой задачу описания этих так называемых «библиографических метаданных», выявленных в статьях «Энциклопедии» на основе определенного набора точных критериев. Один из наиболее важных аспектов подобного генетического исследования заключается в том, что оно может послужить подспорьем для специалистов, позволив им увидеть скрытую часть гигантского айсберга, каким является этот великий французский словарь. Как мы знаем, при создании первого тома этого словаря Дидро, Даламбер, Малле и Добантон охотно пользовались словарями Треву, Морери, Савари, Джеймса, «Словарем воегезца» и т.п. Мы стремимся облегчить подступы к этим ее источникам, для чего общими усилиями создаем базу данных, которая со временем должна стать основой для нового реестра статей и документов, относящихся к генезису французской «Энциклопедии». Таким образом, мы предлагаем взглянуть на нее по-новому, в свете ее источников, сместив акценты критического анализа с текста – на его написание, со структуры – на процессы, ее порождающие, с произведения – на его генезис.

Эдоардо Тортароло (Университет Восточного Пьемонта, Верчелли)

Просвещение и цензура: трудный поиск равновесия

Ответ, который на протяжении XIX-XX вв. историки давали на ключевой вопрос Канта, содержал прежде всего требование безусловной и ничем не ограниченной свободы слова и печати. Лео Штраус в своей известной статье «Преследование и искусство письма» (1941, 1952) писал, что одной из важнейших принципов Просвещения был отказ от всех форм цензуры.

В моем докладе рассматривается именно этот аспект определения Просвещения. Пристальное изучение надзора за печатью в XVIII веке показывает, что основные деятели европейского Просвещения и в самом деле решительно выступали против тех форм, в которых осуществлялась цензура в большинстве стран Европы, однако полагали, что сфера публичной коммуникации все же должна регулироваться, чтобы не дать суевериям и фанатизму остановить прогресс общества. Юм и Кондорсе считали, что свобода печати должна быть неограниченной, но их точка зрения отнюдь не была общепринятой.

В моем докладе представлены результаты исследования теоретических представлений о свободе печати, существовавших в XVIII веке, и практической деятельности королевских цензоров во Франции и Пруссии. Особое внимание уделяется тем королевским цензорам, которые считали себя «просвещенными», поскольку стремились обеспечить справедливые условия для прохождения в печать книг и журналов, содействуя свободному обсуждению тем, относящихся к общему благоденствию. Последний раздел доклада посвящен краткой характеристике той роли, которую играет это специфическое понимание свободы печати для переосмысления того, чем было Просвещение, а также интеллектуального и институционального фона, на который писатели и мыслители XVIII века проецировали свои идеи.

Антонио Трампус (Университет Ка' Фоскари, Венеция)

Политический язык Просвещения и его наследие в либерализме XIX века: новые подходы

В течение последнего десятилетия исследования, посвященные стратегиям распространения и адаптации некоторых текстов позднего Просвещения (созданных прежде всего на берегах Средиземного моря), позволили понять, какие элементы культуры этого периода смогли пережить времена Французской революции и наполеоновской империи и вошли затем в качестве составной части в новую европейскую культуру XIX века. История одного из таких текстов и его распространения, процесс дальнейшего существования и переосмысления этого текста после смерти автора, помещение его в историческую перспективу с учетом глубокого сдвига социальных и культурных рамок, происшедшего после краха Старого порядка, дают нам необходимый ключ к пониманию истинного смысла «долгого восемнадцатого века».

В моем сообщении рассматривается «Наука о законодательстве» Гаэтано Филанджери. История ее изданий и переводов, а также комментариев к этой книге показывает, что новизна содержания неразрывно связана в ней с новизной языка и что ее текст при соответствующей переводческой стратегии мог служить обновлению политического языка других стран и культур (например, Германского союза, России, Швеции). Изданная в Неаполе, где Филанджери вырос, «Наука о законодательстве» способствовала ускоренному распространению новых ценностей и понятий, чей подрывной потенциал по отношению к Старому порядку в полной мере сознавали различные переводчики, издатели и комментаторы – в частности Бенжамен Констан. Таким образом, мое сообщение опирается на сопоставление разных подходов и

методологических инструментов: историю идей и историю культуры, с одной стороны, историю языка и стратегий перевода и усвоения текстов эпохи Просвещения, с другой.

Ричард Уортман (Колумбийский университет, Нью-Йорк)

Просвещение в государственной символике и государственной власти России

В своем «Курсе русской истории», опубликованном в 1918 г., либеральный историк Александр Корнилов описывал режим Николая I как «одну из самых последовательных попыток осуществить идею просвещенного абсолютизма». Царствование Николая обычно рассматривали как нечто прямо противоположное просвещенному абсолютизму с его рационалистическими идеями, которые Николай безусловно отвергал. Концепцию просвещенного абсолютизма, как правило, связывали с государственными системами XVIII века, созданными такими монархами, как Екатерина Великая, Фридрих II, Иосиф II, которые пытались опираться в практике правления на начала разума и законности. В просвещенном абсолютизме видели несовершенного предвестника более поздней формы политического просвещения, выдвинувшего идею свободы и важнейшее понятие народного суверенитета. Однако в России просвещенный абсолютизм представлял собой нечто иное. Он превратился в государственническую идеологию и мифологию: идеи западных рационалистических философов заимствовались российскими императорами с целью нарастить и упрочить мощь абсолютного государства. Эта идеология успешно функционировала при Николае I и даже Александре II. Она не поощряла участие народа в правлении, а скорее сочетала идеи государственной мощи и благоденствия граждан. В моем докладе будут рассмотрены три темы:

1. Соединение западных рационалистических теорий (Гроций, Гоббс, Лейбниц, поздний Монтескье) с мифологическими основами государственного строя, созданного Петром, с мифами завоевания и вечного преодоления.

2. Разработка государственной символики, использующей церемониал и риторику общественного согласия, чтобы придать теории общественного договора, на которую опирался авторитет монарха, дополнительную экспрессию и эмоциональную силу.

3. Механизм реформирования, которое, видоизменяя государственное устройство, но при этом и сохраняя сословную структуру общества, было призвано претворять в жизнь идеал благодетельного правителя.

И. И. Федюкин (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва)

«Езда в остров любви»: перевод В. К. Третьяковским

«Le voyage de l'isle d'Amour» П. Тальмана и его придворный контекст

В данном докладе вопрос о природе Просвещения в России и о соотношении западноевропейских культурных моделей и российских социальных практик первой половины 18 века рассматривается на примере конкретного эпизода: перевода Василием Третьяковским «Le voyage de l'isle d'Amour» Поля Тальмана. Перевод этот считается ключевым в формировании языка и стиля новой российской литературы, в частности, в формировании моделей описания любовных переживаний и чувств в целом. Именно с этим переводом зачастую связывается легитимация темы плотской любви в русской литературе вообще. Со слов самого Третьяковского известно, что перевод этот пользовался большой популярностью при дворе и среди дворянской молодежи. Однако архивные данные позволяют уточнить тот социальный контекст начала 1730-х, в котором появился и циркулировал перевод. В частности, появление перевода рассматривается в контексте любовной связи царевны Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской,

патронировавшей переводчику, с князем Михаилом Белосельским, а также связи Белосельского с князем Александром Куракиным, считающимся непосредственным заказчиком перевода. На материалах исследований Тайной канцелярии раскрываются детали этой связи, а также сопутствовавших ей эпизодов. Данный эпизод позволяет проблематизировать соотношение между западноевропейскими литературными моделями куртуазного поведения и реальными практиками поведения дворянства: утверждение о том, что практики эти формировались под влиянием литературных моделей представляется сомнительным. Скорее, вопрос заключается в том, как те или иные литературные модели помогали оформлять и легитимировать уже распространенные в социуме практики.

Винченцо Ферроне (Туринский университет)
**Добродетель и права человека:
от позднего Просвещения к Французской революции**

Цель моего сообщения, в центре которого находится история слова «добродетель», – показать, что освободительный проект, предложенный эпохой позднего Просвещения, носит по отношению к культуре Французской революции самостоятельный и принципиально отличный характер. Как следствие, я отказываюсь от старой историографической парадигмы, слишком узкой и мешающей новым исследовательским подходам. Выразительные примеры, почерпнутые из итальянского и немецкого культурного контекста, показывают, что позднее Просвещение, в противоположность Французской революции, устанавливало между понятиями добродетели и прав человека существенную связь.

Е. Б. Шарнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва)
**Каталог коллекции А.С. Строганова и традиция французских аукционных
каталогов второй половины XVIII века**

Во второй половине XVIII века во Франции сложилась определенная практика составления каталогов коллекций. За немногими исключениями поводом для появления каталога был аукцион (т.е. коллекция предназначалась к продаже), а авторами выступали *маршаны* (*marchands*), художники, которые часто одновременно являлись маршанами, или знатоки (*amateurs*). Каталог Строгановской коллекции – редкий пример, когда автором каталога выступает сам владелец. Таким образом, Строганов не только формирует собрание, но и предлагает собственную интерпретацию своей коллекции. Уникальность каталога, безусловно, связана с личностью Строганова, который некоторое время возглавлял Академию художеств и был превосходным знатоком живописи, воспитавшим свой вкус во время пребывания в Париже в 1760-1770-е годы. Первое издание каталога вышло в 1793 году на французском языке, поскольку коллекция продолжала расти, в 1800 году вышло второе издание, а в 1807 году появился увраж с «шедеврами» собрания, каждый из которых сопровождался гравюрой.

Каталог, безусловно, ориентировался на лучшие французские образцы (например, каталоги, составленные Ж.-Б. П. Лебреном), в которых давалось описание картины с указанием ее художественных достоинств, присутствовало обоснование атрибуции, по возможности указывалось происхождение. Судя по многочисленным замечаниям в каталоге, Строганов самостоятелен во многих оценках и суждениях. Так, он уточняет традиционные атрибуции и сюжеты картин, часто вводит сведения, связанные с сохранностью и реставрацией. Поскольку в России печатные каталоги коллекций в XVIII

веке – редкость, он берет на себя и просветительскую функцию: каталог включает рассуждения об общих вопросах истории искусства. Строганов первым в России процитировал в печатном издании «Салоны» Дидро, обширная цитата из «Салона 1765 года» включена в описание картины Клода Жозефа Верне «Буря на море».

Жан-Пьер Шанделер (Национальный центр научных исследований, Монпелье)
Кондорсе: универсализм Просвещения под вопросом (1969-2008)

Состояние мира после конца 1980-х годов, как и обновление историографических практик, – достаточно веская причина для того, чтобы вновь обратиться к эпохе Просвещения. Универсальные принципы этого течения (неотчуждаемые права человека, демократия, свобода, равенство, религиозная терпимость, прогресс и т. п.) сталкиваются в глобализующихся обществах с противодействием националистов, желанием вернуться к самобытной идентичности, политико-религиозными конфликтами и защитой сугубо частных интересов, иногда маскируемой государственными соображениями.

«Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе долго считали «завещанием» эпохи Просвещения. Ряд переводов этого сочинения, выполненных на протяжении XX – начала XXI в. и по большей части публиковавшихся в годы острых национальных или международных кризисов, позволяют оценить тот смысл обращения к Просвещению и к универсальным ценностям, который им придают (или ставят под сомнение) переводчики. В моем сообщении я предлагаю проанализировать предисловия и послесловия к переводам, изданным в Испании после падения франкистской диктатуры, в «свинцовые годы» в Италии и в Германии, в конце войны в Хорватии, в Нидерландах на фоне общественного противостояния ксенофобскому дискурсу.

Клаус Шарф (Институт европейской истории им. Лейбница, Майнц)
Что пришло на смену Просвещению? Шлёцер и его лучшие ученики из Германии, Венгерского королевства и Российской империи

Среди многочисленных проблем, интересующих исследователей европейского Просвещения, остается несколько важных вопросов, которые практически не обсуждаются историками или получают в их работах слишком упрощенные ответы. А именно: как Просвещение – в качестве особого комплекса идей, в качестве культурного, социального и политического движения, – завершилось и что пришло ему на смену? Наиболее распространенная гипотеза состоит в том, что результатом Просвещения был ранний либерализм.

В моем докладе я хочу предложить эмпирический метод, позволяющий представить этот результат более дифференцированно. В 1769 г. Людвиг Шлёцер, завершив пребывание в Санкт-Петербургской Академии наук, занял должность ординарного профессора на кафедре Гёттингенского университета. Вскоре он получил признание как лучший немецкий историк и в то же время как наиболее влиятельный немецкий публицист и издатель просветительских журналов. На мой взгляд, судьба учеников Шлёцера, бывших его студентами в те сорок лет, что он преподавал в Гёттингене – начиная с 1769 г. и до своей смерти в 1809 г., – дает хороший материал для изучения поставленных выше вопросов. Профессии, которыми эти ученики занимались в дальнейшем, их общественные связи, их контакты со Шлёцером после отъезда из Гёттингена, их научная, культурная, конфессиональная и политическая деятельность, их публикации и идеи – все это представляет большой интерес для исследователя. Большая часть учеников Шлёцера происходила из немецкоязычных государств, а среди иностранцев преобладали протестанты из венгерской части монархии Габсбургов и

подданные Российской империи. У нас есть возможность сравнения этих «национальных» групп. Многие из учеников Шлёцера прожили после его смерти не одно десятилетие, некоторые были живы накануне и во время революции 1848 года в Германии. Мой метод я бы назвал просопографическим: к настоящему моменту мной собрано уже около восьмидесяти биографий, позволяющих проследить дальнейшие судьбы просветительских идей, воспринятых этими людьми во время учебы в Гёттингенском университете.